

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Райкевич Анжелы Андреевны
«Проблема мессианизма в истории польской литературы (на материале творчества А. Мицкевича, Ю. Словацкого и З. Красиньского)»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 5.9.2. Литературы народов мира

Диссертационное исследование А.А. Райкевич посвящено сложнейшему феномену на стыке теологии, истории, философии, политологии и литературоведения – польскому мессианизму, имеющему огромное значение для понимания польской национальной идентичности от XIX столетия до современности, ее сильных сторон и болезненных точек, механизмов ее взаимодействия с литературным процессом.

Проведенный диссертанткой анализ позволяет проследить, как философские и религиозные представления о мессианской роли Польши, отраженные в художественных произведениях, трансформировались в элемент культурного кода нации и способствовали формированию особого историософского мифа о месте Польши в мировой истории.

Этим, а также отсутствием в отечественной науке фундаментальных исследований, посвященных польскому мессианизму, обусловлена **актуальность** работы.

Новизна диссертации, по определению автора, заключается в том, что в ней «впервые исследуется эволюция польского мессианизма в контексте историко-литературного развития XX и XXI веков» (с. 6). Это действительно так, однако учитывая формулировку темы диссертационного исследования – «Проблема мессианизма в истории польской литературы (на материале творчества А. Мицкевича, Ю. Словацкого и З. Красиньского)» (т.е. на материале литературы XIX в.), – вызывает вопросы.

Заметим, что это проблема не только данной конкретной формулировки. В работу органично включено движение польской (в первую очередь) научной мысли, что естественно и необходимо (и само по себе образует ценный пласт исследования), однако иногда бывает не просто вычленить в этом потоке впервые замеченное, проанализированное, отрефлексированное автором диссертации. В то же время порой вызывают вопросы формулировки, напротив, указывающие на авторство диссертантки. Например, во «Введении» (с. 5) говорится: «Согласно нашей гипотезе, произведения, связанные с проблемой польского мессианизма, не только отражали актуальный культурно-исторический контекст, но и предпринимали попытку создания национальной „мученической“ мифологии, связывая страдания и жертвенность с идеалом национальной свободы». Действительно ли это является новой гипотезой автора работы? Мысль о мартирологическом векторе, ставшем способом перекодирования, компенсации негативного исторического опыта, мягко говоря, для полониста достаточно очевидная. Приведем еще один пример. Так, в заключении I главы говорится: «Мы также

установили, что три основополагающие философские и эстетические концепции польского романтизма (мессианизм, прометеизм, валленродизм) создали литературный канон...» (с. 34). Это было констатировано, но на каком материале было «установлено»? И установлено ли впервые автором диссертации? Тем более, что собственно анализ текста еще впереди.

Сказанное ни в коей мере не означает, что работа не вносит ничего нового в литературоведение в целом и область полонистики в частности – разумеется, это не так. Однако жанр диссертации предполагает наличие максимально четких формулировок, связанных, в том числе, с новизной исследования, с указанием на те лакуны (особенно – в данном случае – по отношению к сделанному польскими учеными), которые восполняет исследование.

Проведенный диссертанткой анализ (очень непростых, следует отметить, произведений польского романтизма) видится продуктивным, включает интересные наблюдения и обогащает представления о логике развития польского литературного процесса в XIX в., об односторонних или взаимных влияниях его фигур – реальных (создателей текстов) и вымышленных (их героев), бытовании в нем философских концепций и художественных систем, о творчестве триады романтических «поэтов-пророков» и их роли в концептуализации исторического прошлого, настоящего и будущего польской нации, о преломлении философских идей в поэтике текстов. Логичным и ценным представляется рассмотрение путей польского мессианизма в XX-XXI вв. и интертекстуального диалога с романтическим мессианизмом авторов последующих эпох, тем более, что неомессианская поэзия не являлась до сих пор предметом исследования отечественных полонистов, однако именно эта часть работы представляется на данный момент наименее доработанной.

Теоретическая значимость диссертации заключается в расширении представлений о роли мессианизма в культурной жизни Польши и механизмах формирования и бытования национальной идентичности. В более широком плане это дает ценный материал для осмысления процесса формирования национальных мифов.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов в образовательной и научной сферах в контексте изучения польской литературы, феномена мессианизма, национальной идентичности.

Структура диссертации подчинена цели и конкретным задачам исследования. Первая глава, посвященная рассмотрению польского мессианизма как культурно-исторического и литературного феномена, разделена на три параграфа, в которых внимание автора диссертации сосредоточено соответственно на происхождении, специфике и роли польского мессианизма, роли романтического мировоззрения в контексте генезиса мессианской идеи и роли мессианизма в контексте историософского мифа и польского культурного кода. Вторая глава посвящена подробному анализу и сопоставлению трактовки мессианской идеи в избранных

произведениях А. Мицкевича, Ю. Словацкого, З. Красиньского. Представляется удачным вынесение в названия параграфов стержневой для каждого из трех «поэтов-пророков» идеи, связанной с романтическим мессианизмом, или перспективы, отражающей авторскую идею. Третья глава, в которой прослеживаются пути польского мессианизма в XX и XXI вв., включает в себя параграфы, посвященные интерпретациям идей мессианизма в первой и второй половине XX века, в XXI веке, а также анализу их преломления в неомессианской поэзии В. Венцеля. В Заключении представлены выводы и подведены итоги исследования. Краткими выводами сопровождается также каждый параграф и каждая глава.

Замечания, реплики и вопросы:

1. Можно ли более конкретно сформулировать, как именно применяется в качестве одной из «основ исследования» (с. 8) теория М. Бахтина? Сказанное на с. 29 («Бахтинский подход к анализу текста как „многоголосого” и „многозначного” позволяет понять, как мессианские мотивы в польской литературе, такие как образ страдающего народа, идея спасения через страдание и „воскресение” нации, находятся в диалоге с идеями о прогрессе, освобождении, а также с мистическими категориями») ответа на этот вопрос не дает.

2. На с. 14 говорится: «... мы отмечаем, что отличительной чертой польского мессианизма является его патриотическая направленность». Считает ли автор, что может быть иначе – если основываться на приведенной чуть ранее (с. 13-14) триаде идей, которые лежат «в основе мессианизма» (вера в особую судьбу государства и народа, моральное превосходство над другими, вера в высшее предназначение, выходящее за рамки национальных интересов и значимое для более широкого сообщества)?

3. На с. 131 говорится: «Польская литература второй половины XX века развивается в общеевропейском историко-литературном русле, все реже касаясь проблемы мессианизма, так как после обретения независимости миф о национальном „мученичестве” поляков отходит на второй план» (с. 131). Во-первых, если речь идет о переломе 1989 г., то это никак не «вторая половина XX века». Во-вторых, в интересных и ценных наблюдениях, которые содержатся в третьей главе, не хватает хотя бы упоминания о болезненной реакции на бремя польского этоса прозы 2000-2010-х гг. т.н. «поколения пост-ПНР», важнейшей психологической потребностью и художественной задачей которого стало сопротивление как раз идеям мессианизма и мартирологии, воспринимающимся как навязанная традицией (т.е. они также, подобно лирическому герою Венцеля, «слышат голоса» романтиков, однако реагируют на них совершенно иначе) и властью голая риторика¹. На с. 153 говорится о том, что творчество

¹ Подробно об этом явлении и его причинах см., например: *Адельгейм И.Е.* Психология поэтики: Аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале польской прозы 1990-2010-х гг.). М., 2018; *Адельгейм И.Е.* «Когда я слышу имена Костюшко, Мицкевича, Шопена...»: механизмы сопротивления нацио-

Венцеля «идет вразрез с преобладающими в Польше литературными тенденциями», но не уточняется какими – а подобный материал, хотя бы кратко изложенный, дал бы необходимую конкретику.

4. Продолжая эту тему: к размышлениям о позиции Милоша – в качестве выразительной детали, касающейся психологии индивидуальной и коллективной – можно добавить следующее. Предостерегая соотечественников, поэт напоминал о восприятии английской версии книги Ю. Кшижановского, посвященной польской романтической литературе. М. Янион в «Сумерках парадигмы» рассказывает об этом так: «Милош назвал ее “собранием всех мыслимых банальностей, призванных на веки вечные утвердить образ *La Pologne martyre*”. Он отмечал, что опус Кшижановского „возбуждает в читателях кровожадные чувства, о чем свидетельствуют экземпляры книги в библиотеке университета в Беркли, на полях которых имеются надписи на английском языке: *Так им и надо!*, *Мало их били!*, *Карлики, притворяющиеся великанами* [...]». Сам Милош эти реплики на полях воспринял как психологический урок: высокопарное описание страданий и поражений необязательно вызывает сочувствие к жертве, оно может пробудить и „садистские инстинкты”. [...] уже в „Поиске отчизны” Милош назвал мессианизм Мицкевича и польский мессианизм в целом „провинциальным” и „постыдным”, а также заявил, что от того, „кто пользуется религией Бога-Человека, то есть религией Воплощения для того, чтобы ввести коллективного Мессию”, можно ожидать самого худшего»².

4. В третьей главе во многих случаях отсутствуют годы жизни авторов, годы публикации произведений, годы дискуссий или появления новых периодических изданий. Особенно это заметно, когда диссертантка говорит о них как о значимых и даже обозначающих временные границы исследуемых явлений. Так, например, происходит на с. 132. Добавим, что в данном случае полезна для читателя была бы также более подробная информация об издателях журнала (название которого, кстати, приведено неточно – он называется «44. Сорок и четыре»), их связи с «Фрондой» и т.д. Далее на с. 138 говорится о мессианской газете «Сорок четыре» и ее издателях, однако в результате оказывается непонятно, то же это издание, о котором шла речь выше, или другое, также отсылающее к знаковому числу. Этой путаницы легко можно было бы избежать. Другой пример: на с. 143 сказано, что сборник Венцеля «*De profundis*» «повлиял на зарождение нового литературного канона, связанного с мессианской проблематикой», «положил начало современной поэзии мессианизма» (с. 143). Разве не важ-

нальному этосу в молодой польской прозе 2000–2010-х гг. // Национальная картина мира в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 90-летию В.А. Хорева (по материалам IV Хоревских чтений). М., 2024.
² Янион М. Сумерки парадигмы. Звезда, 2018, № 11. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2018/11/sumerki-paradigmy.html>

но дать читателю информацию о том, когда это произошло? Вся эта глава в плане темпоральности оказывается удивительно (для научного текста) расплывчатой.

5. Упоминание ряда авторов и/или текстов в третьей главе сопровождается констатацией новизны (в рамках исследуемой проблематики), однако не хватает хотя бы минимальной конкретной информации о том, в чем она заключалась. Например, на с. 126 говорится о Бачиньском и Гайцы, которые предприняли «попытку создания нового варианта мессианского дискурса, в котором традиционные мотивы обретают современное звучание». Подобным образом на с. 138-139 упоминается как «один из ярких примеров функционирования мессианского мифа в современном художественном дискурсе» спектакль «Возвращение короля» М. Вальчака. Прочитированные далее слова драматурга и режиссера ничего не проясняют.

6. На с. 147 в связи с анализом образа розы у Венцеля упоминается драма Жеромского «Роза», которая «также может быть рассмотрена в контексте проблемы мессианизма». М.б., стоило бы в самом деле хотя бы кратко ее рассмотреть там, где говорилось о связанной с феноменом мессианизма польской литературе рубеже веков?

7. На с. 142 говорится: «Литературное влияние выражается в формировании новой мифологии, где происходит переосмысление традиционных оппозиций „свой-чужой”». В чем заключается это переосмысление? И по отношению к чему?

8. Почему если хотя бы очень бегло характеризуются мессианские мотивы в творчестве Я. Тшнаделя и М. Вольского (притом, что главным объектом анализа избран В. Венцель), то Я.М. Рымкевич, также упомянутый в числе «современных поэтов-мессианистов» (с. 159) остается «за кадром»? Рымкевич, «поздний внук» романтиков, как назвал его Т. Ровиньский, также выступал в разных ипостасях и жанрах, это фигура весомая и очень интересная в первую очередь с точки зрения рассматриваемой в диссертации проблематики. И если в «Заключении» делаются утверждения вроде «Творчество современных поэтов-мессианистов, включая Я. Рымкевича, [...], демонстрирует создание уникального историософского нарратива» (с. 159), то это должно быть подкреплено хотя бы краткой характеристикой творчества в самой диссертации.

9. Есть ли мессианские мотивы в прозе XXI в.? В любом случае, возможно, автору будет интересен материал, связанный с романом Кшиштофа Пискорского «Сорок и четыре» (2016) и интертекстуальным диалогом этого сравнительно молодого (р. 1982) писателя с романтиками: Urbanowicz P. Mesjanizm, owady i medialne sieci narodotwórcze // Czas kultury, 2018, № 3; Zubik D. Steampunk i romantyzm – Czterdzieści i cztery Krzysztofa Piskorskiego // Acta Humana, 2017, № 8.

10. Некоторые формулировки требуют уточнения, например:

= С. 7-8. «Подобная методология приближает исследователя к предельной границе не только историко-философского, но и теологического дискурса». Что означает эта «предельная граница [...] дискурса» вообще и что конкретно имеет в виду автор?

= На с. 143 говорится о «переломе» и «перевороте» в творчестве Венцеля, однако непонятно, от чего он пришел к неомессианизму. Здесь же сказано: «Говоря о специфике и роли творчества автора, исследователи все чаще характеризуют его произведения как «новую великую национальную поэзию». Несмотря на «все чаще» и множественное число, приводится только одно имя – Мацея Урбановского (добавим, что читателю было бы полезно узнать, что это критик, связанный скорее с консервативными кругами – и, соответственно, возникает вопрос, характеризуются ли произведения Венцеля как «новая великая национальная поэзия» также за пределами этой среды).

= С. 145. «...актуальность стихотворения [«In hora mortis». – И.А.] в рамках польского современного мессианского нарратива». В чем именно актуальность и что вообще значит «актуальность [...] в рамках мессианского нарратива»?

= С. 152. «Стремясь передать свою мессианскую идею, он сохраняет верность польской литературной традиции, основываясь на идеях веры и патриотизма». Разве есть только одна традиция в польской литературе?

11. Восприятию текста не помогают, а, напротив, мешают навязчивые повторы того, что только что было сказано почти теми же словами, например: «Зародившись в контексте романтического мышления, польский мессианизм активно проникал в литературу, философию и политику, что сделало его характерным элементом культурной идентичности Польши. Важным является также то, что польский мессианизм не ограничивался только литературными произведениями, но находил отражение в работах философов, историков и политических деятелей, превращаясь в своего рода идеологию эпохи» (с. 14). См. также подобные повторы в разделе «практическая значимость» (с. 9), при рассуждениях о категории нарратива (с. 37), о новой мессианской мифологии (с. 140), анализе стихотворения «In hora mortis» (с. 145) и др.

12. Библиография разделена на разделы «Научная и справочная литература», «Источники», «Словари». Однако к «научной и справочной литературе» почему-то оказались отнесены художественные тексты (Мицкевич, Словацкий, Красиньский, Венцель), а к «источникам», напротив, – целый ряд научной литературы, один из словарей также не вошел в соответствующий раздел, будучи помещен в «Научную и справочную литературу».

На с. 173 название работы Р. Пшибыльского приведено в библиографии не полностью («Słowo i milczenie» вместо «Słowo i milczenie bohatera Polaków. Studium o „Dziadach”»).

В библиографии отсутствуют две работы, на которые дается ссылка в тексте диссертации (очевидно, *The Utopianism of Stefan Żeromski* // *Slavonic and East European Review American Series*, Volume 2, March 1943, pp. 96 – 113, Published online by Cambridge University Press: 05 June 2017 американского исследователя польского происхождения Э.И. Завацки, а также *Walka Jakuba z aniołem. Czesław Miłosz wobec romantyczności*. Warszawa 2000 Э. Кисьляк).

Кроме того, библиографию стоило бы дополнить рядом исследований (которые, в свою очередь, содержат библиографию, полезную для дальнейшей работы диссертантки):

Idee programowe romantyków polskich. Antologia (1991)

Słowacki współczesny (1999)

Janion M. Projekt krytyki fantazmatycznej. Szkice o egzystencjach ludzi i duchów (1991);
Janion M. Niesamowita Słowiańszczyzna (2007)

Żmigrońska M. Antynomie mistycznego mesjanizmu Słowackiego // Przez wieki idąca po wieść. Wybór pism o literaturze XIX i XX wieku (2002)

Witkowska A. Romantyczny naród: klęska i triumf // Problemy polskiego romantyzmu (1971); *Witkowska A.* Czytanie Mickiewicza – dzisiaj // Księga w 170 rocznicę wydania «Ballad i romansów» Adama Mickiewicza (1993)

Trznadel J. Polski Hamlet. Kłopoty z działaniem (1988)

Sikora A. Myśliciele polskiego romantyzmu (1992)

Skórczewski D. Kilka myśli o romantyzmie i Słowackim z postkolonializmem w tle // Słupskie Prace Filologiczne. 2010, № 8.

Bednarczuk M., Rudaś-Grodzka M. W pozukiwaniu utraconej wielkości // Teksty Drugie. 2009. Z. 1-2,

Ławski J. Mickiewicz – Mit – Historia (2010); *Ławski J.* Nikt. Czterdzieści i cztery głupstwa o mesjanizmie // LiteRacje. 2011. № 1; *Ławski J.* Topografia mesjanistyczna // Atlas Polskiego Romantyzmu. Świat – Europa – Polska (2014, on-line)

Szymanis E. Czym zawinił Konrad Wallenrod? Wallenrodyzm wobec absolutyzmu // Rocznik Towarzystwa Literackiego imienia Adama Mickiewicza. 2002. № 37

Белов И. Дорогие враги. О стихотворении Адама Мицкевича «Друзьям-москалям» и его русских переводах (2024) (эта небольшая книга хотя и посвящена переводам, содержит немало интересных – в том числе в контексте мессианизма и романтизма – размышлений о тексте оригинала)

Филатова Н.М. Библейские образы в историософии К. Бродзиньского; *Софронова Л.А.* «Отрывок III части Дзядов»: русские и Россия // *Studia Polonica*. К 70-летию В.А. Хорева. М., 2002

Чубарова В.В. Место и роль Польши в Европе глазами поляков // Диалог со временем. 2014. Вып. 49.

14. Из мелких и легко устранимых недочетов следует указать следующие:

- = непоследовательность в транслитерации польских фамилий (-ая/-а, ий/и, -нск- /нськ) – порой даже в пределах одного абзаца (как, например, на с. 26, 159);
- = названия стихотворений приводятся иногда по-польски (с. 49, 81, 91, 97 и др.), а иногда – в переводе на русский (с. 52, 54, 55 и др.);
- = речевые ошибки (с. 6, 7, 21, 31, 41, 112, 133 и др.);
- = формулировки, уязвимые с точки зрения стиля (как, например: «Воспоминания об этом живописном месте способствовали быстрому формированию черновика поэмы. [...] занимался разработкой статей...», с. 105; «деятельности в качестве Иоанна Павла II», с. 134; неуместное использование слова «намекать», с. 130, 132, 144, 145; «флагманский писатель» (с. 143), «в контексте Иисуса Христа» (с. 147) и др. на с. 36, 41, 48, 98, 127-128, 130, 145-146, 152, 159);
- = нарушения логики (например, на с. 40: «Несмотря на то, что в рамках данного исследования мы придерживаемся идеи о том, что А. Мицкевич намеренно подражал библейскому тексту, данная точка зрения подвергалась критике, особенно у марксистских авторов, которые в целом были склонны отрицать библейско-богословские контексты...»);
- = ошибки в написании польских фамилий (Здеховский вместо Здеховский на с. 20, Чапцкий вместо Чапский на с. 141, Milosz вместо Miłosz на с. 129, 159 и др., Мемчес вместо Мемхес на с. 138, Kislak вместо Kiślak на с. 128, Й. Тшнадель вместо Я. Тшнадель на с. 159);
- = ошибки в названиях произведений. Так, на с. 141 книга Ю. Чапского «Na nieludzkiej ziemi» названа «Na nieludzką ziemię» (добавим также, что здесь, в контексте рассуждений об образе русского пространства как «бесчеловечного», уместно было бы объяснить, что это за текст Чапского, аллюзию на который очевидно использует М. Вольский в стихотворении «Голгофа»). См. также названия сборников Венцеля «Polonia aeterna» и «De profundis», в которых второе слово пишется диссертанткой то с большой, то с маленькой буквы. О путанице с названием издания «44. Сорок и четыре» было сказано выше;

Высказанные замечания и вопросы не влияют на общую положительную оценку представленной к защите диссертации.

Работа является самостоятельным, законченным научным исследованием, имеющим теоретическую и практическую значимость.

Автореферат и публикации автора (в том числе 4 – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ) соответствуют содержанию диссертации.

Представленная к защите диссертация «Проблема мессианизма в истории польской литературы (на материале творчества А. Мицкевича, Ю. Словацкого и З. Красиньского)» тематически соответствует паспорту специальности 5.9.2. Литературы народов мира, отвечает требованиям, установленным в п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» в редакции Постановления Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор – Анжела Андреевна Райкевич – заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2. Литературы народов мира.

20 января 2026 года

Доктор филологических наук
(специальность 10.01.03 –
Литература народов стран зарубежья (польская литература),
ведущий научный сотрудник
Отдела современных литератур
Центральной и Юго-Восточной Европы
ФГБУН «Институт славяноведения РАН»

Адельгейм Ирина Евгеньевна

Даю согласие на обработку персональных данных.

119334, г. Москва, Ленинский проспект, 32-а,
ФГБУН «Институт славяноведения РАН»
8(495)9381780

Электронная почта ИСл РАН: inslav@inslav.ru

Электронная почта оппонента: adelgejm@yandex.ru

Удостоверюсь
АДЕЛЬГЕЙМ И.Е.
ПРЕДСЕДОВАЮ
КОМИССИИ
ПО ПРОВЕРКЕ
ДИРЕКТОРА
ВОПРОСАМ
А.О. АВДЕЕВ
20.01.2026